

— Ты пришел! — Юноша, словно утренняя заря, прорезал тишину, ослепив своей красотой и заставив сердце невольно потянуться к нему.

Он явно выбежал в большой спешке: на нем была лишь одна белая исподняя рубаха, на левой ноге красовался сапог, а правый он судорожно сжимал в руке. Волосы, не успев причесаться, водопадом струились по плечам, тонкими прядями щекоча шею. Но глаза его сияли невероятным, притягательным блеском.

— Цайюнь, разве я тебя не учил? К гостям нужно выходить одетым, — Дун Сяньлинь легонько постучал книгой по его голове.

— Сяньлинь... — юноша посмотрел на него с таким обиженным видом, что даже губы задрожали.

— Я еще и ударить толком не успел, а ты уже дуешься, — Дун Сяньлинь не сдержал усмешки, в голосе его проскользнули насмешливые нотки.

Книга снова слегка коснулась руки юноши:

— Надевай сапог.

Чэнь Цайюнь тут же послушался и, натянув обувь, принялся настойчиво проситься следом за ним.

— Разве я так тебя учил вчера? — Дун Сяньлинь остановился и посмотрел на него, взгляд его стал холодным.

В глазах юноши читалась лишь чистая, невинная растерянность. Дун Сяньлинь, глядя на это, смягчился и со вздохом произнес:

— Возвращайся в комнату, переоденься и приходи. Я буду ждать тебя в кабинете.

— Ты опять уйдешь, верно? Ты уже так говорил, а потом просто исчез, — Чэнь Цайюнь скрестил руки на груди, всем видом показывая свое нежелание уходить.

В первый день занятий, когда Дун Сяньлинь пришел давать урок, Цайюнь вцепился в него и не отпускал. Дун Сяньлинь, выросший в семье потомственных ученых, был ошарашен таким поведением, но с горем пополам усадил мальчишку за стол. Едва он отвернулся, как тот уже выводил кистью на столе черепаху.

— В такие моменты соображаешь быстро, а? Хватит ребячиться. Ступай переоденься, будь послушным.

— Но ты ведь обманул меня! — Чэнь Цайюнь продолжал капризничать.

Дун Сяньлинь нашел это забавным:

— Раз уж знаешь, что такое обман, давай сегодня выучим именно этот иероглиф.

Чэнь Вань, младший брат Цайюня, поспешил на помощь:

— Брат, нянюшка купила свежие сладости из лавки Весенних пейзажей. Пойдем, я провожу тебя в комнату, и ты сам посмотришь.

Юноша заколебался, бросил взгляд на Дун Сяньлиня, но упрямо остался стоять на месте.

Чэнь Вань обратился к учителю:

— Господин, прошу, пройдемте внутрь.

— Ладно, сегодня будем заниматься в твоей комнате, — Дун Сяньлинь направился во внутренний двор, а маленький хвостик тут же последовал за ним.

Слуги принялись переодевать Чэнь Цайюня, а тот не сводил с учителя глаз, боясь, что тот снова исчезнет.

Дун Сяньлинь взял на себя эту работу полмесяца назад. Узнав, что ему нужны деньги, глава дома Чэнь разыскал его и пригласил стать наставником для сына. После того случая в детстве Чэнь Цайюнь стал словно не в себе: умный и живой от природы, он совершенно не поддавался воспитанию. Он был как чистый лист, на котором каждый мог нарисовать что угодно. Опасаясь, что сын наберется дурных привычек, отец и пригласил Дун Сяньлиня.

Цайюнь слушался наставника, хотя иногда и устраивал сцены. Однажды после урока он вцепился в ногу Дун Сяньлиня и не отпускал, проявляя невероятное упрямство. Тогда Дун Сяньлинь обманул его, предложив поиграть в прятки. Мальчик по-глупому просидел в чане с рисом до самой ночи, пока его не нашли слуги. Он только и спрашивал: А где Сяньлинь? Почему он не идет меня искать? Когда ему сказали правду, он устроил истерику, которая прекратилась только с приходом учителя на следующий день.

Дун Сяньлинь листал книги из богатой библиотеки дома Чэнь. Глава семейства, заметив его интерес, даже доверил ему ключ. Пока Дун Сяньлинь читал, Цайюнь сидел рядом, стараясь прижаться к нему.

— Цайюнь, как мы договаривались? Сидеть прямо, как башня, спина ровная, ноги стоят твердо, руки лежат на месте, — Дун Сяньлинь вздохнул. — И не дергай меня за полу халата.

Чэнь Цайюнь послушно опустил ноги, выпрямил спину и сложил руки на коленях. С гордостью в голосе, присущей только юности, он спросил:

— Так хорошо?

Он был похож на ребенка, ищущего похвалы, и Дун Сяньлинь одобрительно кивнул. Одно лишь это движение вызывало у Цайюня восторг.

Чтобы мальчишка снова не начал рисовать черепах, Дун Сяньлинь учил его, буквально направляя его руку своей — длинные, тонкие пальцы наставника мягко ложились на ладонь ученика. Сначала юноша старался, но вскоре кисть, словно ведомая невидимой силой, начала выписывать каракули. Дун Сяньлинь не мог сдержать улыбку.

— Упражняйся сам. Старайся. Если увижу рисунки черепах — останешься без полдника.

— А-а, не надо! — Цайюнь обиженно надул губы.

— Тогда пиши прилежно. Напиши десять раз тот иероглиф, что мы учили. — Дун Сяньлинь поднялся и закрыл окно. — Если справишься хорошо, я почитаю тебе вслух.

— Хорошо! — Юноша воодушевился и с новым рвением взялся за дело.

Пусть иероглифы выходили кривыми, но их уже можно было разобрать. Дун Сяньлинь кивнул:

— Неплохо. Я почитаю тебе Ши цзин.

Приближались экзамены, и чтение вслух стало для него способом и учиться самому, и присматривать за подопечным. Юноша вел себя тихо: он сидел рядом, растирал тушь и внимательно слушал.

— Ну что, понял что-нибудь? — Дун Сяньлинь отложил Лунь юй и посмотрел на юношу, который увлеченно ставил кляксы кистью.

Тот замотал головой из стороны в сторону. Дун Сяньлинь рассмеялся:

— Тогда зачем слушал так внимательно?

— Ты красиво рассказываешь, — с улыбкой ответил Чэнь Цайюнь.

Дун Сяньлинь покачал головой. Он всегда верил, что только знания могут изменить судьбу. И хотя Цайюнь был непутевым, он хотел учиться, а значит, наставник будет учить его.

— Снято! Отлично, сцена готова, готовимся к следующей. — Работники площадки засуетились, меняя декорации.

Ци Цин мгновенно перестал улыбаться и, приняв невозмутимый вид, подпер голову рукой. Скорость, с которой он сменил выражение лица, поразила Цинь Аньюя.

Ци Цин взял кисть и начал что-то размашисто выводить на бумаге. Цинь Аньюй заглянул через плечо и увидел огромную черепаху, туловище которой было толщиной с восемь голов. Он машинально хлопнул его по голове, но тут же одернул руку, вспомнив, что он уже не Дун Сяньлинь.

— Господин Цинь, вам что, понравилось меня хлопать? — Юноша усмехнулся, его глаза сияли, как звезды, а в голосе слышалось торжество.

— Ничего особенного, просто руки зачесались, — негромко ответил Цинь Аньюй.

Юноша презрительно хмыкнул:

— Даже если зачесались, нечего меня бить. Плати штраф. — Он тут же протянул руку.

Цинь Аньюй проигнорировал его и направился в комнату отдыха. Вскоре туда вбежал Ци Цин с текстом сценария в руках. На его лице играла натянутая, нелепая улыбка.

— Господин Цинь, научите меня, а?

Что посеешь, то и пожнешь. Цинь Аньюй холодно взглянул на него и поддел:

— Боюсь, как начну учить, руки снова зачесутся и я тебя покалечу. Потом еще по судам затаскаешь, требуя компенсацию.

— Ну что вы! Как можно! Господин Цинь, научите, ну же! Учитель ведь должен передавать знания и развеивать сомнения. — Юноша продолжал канючить, хотя в его поведении не было ни капли искренности.

— С какой стати мне тебя учить? — Цинь Аньюй улыбнулся и посмотрел на него сверху вниз, как хищник на добычу.

Юноша дерзко подался вперед, сокращая дистанцию до предела — казалось, они чувствовали дыхание друг друга. В его глазах, сверкавших как звезды, отразилось довольство, а уголки губ слегка приподнялись, подобно коту, укравшему сливки.

— А как же иначе? Конечно, потому что мы теперь в одной лодке. Как вы сами сказали, господин Цинь: теперь мы связаны.

<http://bllate.org/book/21461/2194672>